

Стихотворения

Источник: http://www.poesis.ru/poeti-poezia/muravjov/frm_vers.htm

Содержание

1. Конь
2. Верхушка и корень
3. Зевес и гром
4. Избрание стихотворца
5. Ода третья
6. Ода шестая
7. Ода
8. Неизвестность жизни
9. Время
10. "Пускай завистники ругают..."
11. Эпитафия
12. "Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца..."
13. "Товарищи, наставники, друзья..."
14. "Порока иногда успехом раздражаюсь..."
15. Благоразумие
16. Сельская жизнь
17. "Я был на зрелище: какие ощущения..."
18. Утро
19. Общественные стихи
20. Послание о лёгком стихотворении (отрывок)
21. Изгнание Аполлона
22. Богине Невы
23. Несчастье
24. Буря
25. "Мои стихи, мой друг, - осенние листья..."

**Конь
Басня**

Был конь - добра лошадка,
И статен, и красив собой,
Одна в коне была повадка -
Махал частенько головой.
Хотелось отучить лошадку господину,
И так конюшему боярин приказал,
Чтоб от того коня он отучал.
Конюший рад тому и бьёт себе скотину,

Да в голову - не в спину;
А конь головушкой поболе стал махать;
А конюх боле драть;
Из силы конь избился;
А конюх говорит: "Вот конь и отучился
И уж махать не стал".
То правда, что махать головкой перестал
И пал.
Головушка разбита.
Лошадушка зарыта.
Но дело мне не до коней.
Вы, коим поправлять досталось людей,
На пользу сей пример себе употребляйте:
Не силой - тихостью порочных исправляйте.

<1773>, 1780-е годы

Верхушка и корень Басня

Когда-то Корень так в себе сам говорил:
"Зачем мне истощать своих лишь токмо сил,
Чтобы Верхушку,
Таковую лишь вертушку,
Кормить,
Поить
И на себе носить?
Затем ли сделан я, чтоб ей слугою быть?
Ниже она мой повелитель,
Ниже и я её служитель:
Всегда ль мне ей оброк платить?
Вить
И без тебя, мой Друг, могу же я прожить.
Ин сем-ка ей давать свои не стану соки,
Не сохнут ли её авось-либо широки
Боки,
На коих лишь сидят вороны да сороки".
Так страшно, в ревности своей, мой Корень рек
И с словом все пути к Верхушке он пресек,
Чрез кои он ей слал питательную воду.
Приблекло деревцо, свернулись ветви вдруг.
И наконец Верхушка бух;
И Корень мой с тех пор стал превращен в колоду.

Что ж?

Вить то не ложь,
И басенка моя не простенька игрушка.
Итак, какой же бы из ней нам выбрать плод?
Правительство - Верхушка,
А Корень - то народ.

<1773>

Зевес и гром Басня

Зевес свой кинул взор на землю: развращенья
Явилася она наполненной ему.
"Ударю, - говорит средь горестна волненья, -
И мир небытия низринется во тьму.
А ты, виновный род, род столько мной любимый,
Предел твой положён, ты в сей погибнешь раз".
Так рек богов отец свой суд неумолимый,
И не был тщетен сей его всесильный глас.
Приемлет в мощну длань Зевес Громовы стрелы,
И тренье началось погибельных огней.
Уже пустился гром вселенныя в пределы,
И мир вострепетал, ждя гибели своей.
Я мню, что связь тогда разрушилась природы,
Упал несчастный род в разверстие земли,
И горы двинулись, сошед с мест прежних в воды,
И вспять источники на горы потекли.
Но нет: на место гром упал непроходимо.
Род смертных невредим, спокойство возвратя:

Известно, что всегда падут удары мимо,
Как вздумает отец наказывать дитя.

<1773>, 1780-е годы

Избрание стихотворца

Природа, склонности различные вселяя,
Одну имеет цель, один в виду успех:
По своенравию таланты разделяя,
Путями разными ведет ко счастью всех.

Глас трубный одному на бранном поле сроден,
Победы шумной клик и побежденных стон;

Другому сельский кров и плуг косою угоден
И близко ручейка невозмущенный сон.

Я, блеском оболещен прославившихся россом,
На лире пробуждать хвалебный глас учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый понт несусь.

Первая половина 1770-х годов (?)

Ода третья

Смертный суетен родился
И навеки осудился
Суетой себя прельщать;
Он чувствителен, он страстен,
Он влияниям подвластен,
Быв рождён, чтоб ощущать.

Суета есть идол мира,
Выше нет сего кумира,
Им живут, им дышат все;
В суете нам нет упрёки:
Чем бы стали человеки
Утешаться в тесноте?

Скорбный век препровождая,
В самом счастья страдая,
Горьку желчь всегда прием;
Дух мятется, тело страждет,
Страсть воюет, сердце жаждет
В колебании своем.

Земнородных обладатель,
Не судья - лишь оправдатель
Беззаконий наших ум;
Велеречивей Орфея,
Во скудели Промифея*)
Он вития наших дум.

Суета его учитель,
Смертный, сам себе мучитель,
С суетою брань творит;
Льзя ль с рассудком воевати?
И возможно ль отмщевати,

Если ум наш говорит?

<1775>

Ода шестая

Как яры волны в море плещут,
Когда Громовы стрелы блещут
И рассекают горизонт,
Корабль трещит и рвутся снасти, -
Средь неминуемой напасти
Пожрать пловца зияет понт.

Сей понт есть нашей жизни время,
И наша жизнь есть наше бремя,
Ревут, на нас несясь, валы;
Нас грозны громы поражают,
И вокруг беды нас окружают,
Как туча непрозрачной мглы.

Едва родимся мы, уж стонем
И прежде в бедствиях потонем,
Чем будем помнить мы себя;
А время, невозвратно время,
Бежит и косит смертно племя,
Их тлен и память потребя.

Напрасно смертный возгордился.
Он рек: "Затем я в свет родился,
Чтобы повелевати им", -
Но чуть лишь рок его погонит,
Чело он гордое уклонит
И слезы даст бедам своим.

Уничжи свою кичливость,
Прерви ленивую сонливость
И внидь в себя, о человек!
Какое мудрое строенье!
В тебе я зрю изображенье
Того, кто царствует вовек.

Ты мудр, ты можешь быть спокоен,
Затем в тебе твой ум устроен,
Чтобы повелевать собой;
Ты слаб, ты страстью колебаем,

Самим собой обуреваем,
Ты век караешься судьбой.

О смертный! смесь уничиженья,
Превыше ты воображенья,
И мал бываешь и велик;
Со кедром можешь ты сравниться -
Ты можешь так, как трость, клониться,
Хоть украшал геройский лик.

<1775>

Ода

Восприял я лиру в длани
И хочу гласити песни,
Песни громки и высоки.
Но мои незвонки струны
Не хотят бряцати песни,
Песни громки и высоки,
А хотят гласить природу,
Обновившуюсь весною.
Я, покинув звуки громки,
Не для вас пою, потомки.

<1775>

Неизвестность жизни

Когда небесный свод обымут мрачны ночи
И томные глаза сокрою я на сон,
Невольным манием предстанет перед очи
Мгновенье, в кое я из света выду вон.

Ужасный переход и смертным непонятный!
Трепещет естество, вообразив сей час,
Необходимый час, безвестный, безвозвратный, -
Кто знает, далеко ль от каждого из нас?

Как вихрь, что, убежав из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит,
Так смерть нечаянно разрушит наши меры
И в безопасности заснувших поразит.

Гонясь пристально за радостью мгновенной,
Отверстой пропасти мы ходим на краю.
Цвет розы не поблек, со стебля сриновенный, -
Уж тот, кто рвал её, зрит бедственну ладью.

На долгий жизни ток отнюдь не полагайся,
О смертный! Вышнему надежды поручив
И помня краткость дней, от гордости чуждайся.
Ты по земле пройдешь - там будешь вечно жить.

<1775>, <1802>

Время

Постойте, вообразим, друзья, бегуще время:
Недавно упал без силы солнца свет -
Се, в нивах брошено, проникло в класы семя
И жателя зовет.

Я солнце проводил вчера в вечерни воды.
"Покойся; и тебе приятно в волны лечь", -
Вещал я; но оно, обшедши антиподы,
Умело день возжечь.

Однако, думал я, покоится мгновенье.
Уже за третий люстр два года я претек;*)
Счастлива жизнь! увы! ты бросилась в забвенье.
Не сон ли целый век?

Во времени одну занять мы можем точку.
Минута, кою жил, длинная году сна,
И бабочка, чья жизнь привязана к листочку,
Не тесно включена.

Мгновенье каждое имеет цвет особый,
От состояния сердечна занятой.
Он мрачен для того, чье сердце тяжело злобой,
Для доброго - златой.

Все года времена имеют наслажденья:
Во всяком возрасте есть счастье свое.
Но мудрости есть верх искусство соблюденья
Утех на житие.

Раскаянье есть желчь, котора простирает

Во недро времени противну грусть свою.
Но время наконец с сердечной дски стирает
Ржу чуждую сию.

Коль сердце между волн ты спас от сокрушенья,
Пусть будет наконец угодно так судьбе
Дней ясность помрачить, коль много утешенья
Останется в тебе.

1775

Пускай завистники ругают
И плевывы с ядом изрыгают
На труд моих младых годов:
Мое тщеславье забавлялось,
Когда ко лире устремлялось,
И я признаться в том готов.

Пусть я влиянья не имею,
Но то всегда сказать посмею,
Что я давно служебник муз.
Тринадцать лет не миновалось, -
Охотой сердце порывалось
К творцам стремиться в союз.

Влеком непобедимой страстью
Ко неминуемому несчастью,
Влюбился в гибель я свою;
Стихи влекли меня насильно,
В устах я их носил обильно
И душу восхищал свою.

1775 (?)

Эпитафия

Почтите хладный прах, который здесь лежит,
Насилу здесь уснул пресварливый пиит,
Он в весь свой век не мог ни с кем имети миру
И в ад затем пошёл, чтоб написать сатиру.

1775 (?)

Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца,
И здоровье пошли, и душу, чувствий полную
И слёзы радости, как, став за волжску волну,
На персях лучшего покоюся отца.

1779

Товарищи, наставники, друзья,
О книги! к вам украдываюсь я
Мгновенье скрыть оставшейся прохлады,
Вкушая в вас полезные отрады.
Я наслаждатися меж вами прихожу
И время течь скоряе обяжу.
Ах! несмотря, что время скоро мчится,
Мгновенья есть, когда оно влачится,
Коль числит их душа, в бездействие впад.
Единый труд отъемлет скуки хлад.

1779

Порока иногда успехом раздражаюсь
И дерзкия стихом сатиры вооружаюсь,
Сорвать с обманщика личину я хошу
И в сердце принести коварного свещу,
Совлечь с торжественной неправду колесницы
И клевету прогнать вселенной за границы.
Горящей краскою описываю зло,
Которое на мир подвластный налегло,
Заразу роскоши, ничем ненасытиму
И расточением несчастию служиму,
Что целы области съедает до конца
И портит негою народные сердца.
Пишу и сам с собой сужу свои зачины.
Но мне не нравятся толь мрачные картины.
Порок один суров в вещаниях своих,
А добрый глас души, и порицая, тих.
Что в том, что Ювенал*) кричал, как проповедник?
Гораций нравится: он милый собеседник.
Умеет слабостями игратья, не озлясь,
И в сердце друга влить все правды, веселясь.
О муза, я тебе кисть мрачну возвращаю,
В прекрасном виде зреть природу поспешаю.
Погибни мрачна кисть, когда её черты
Бессильны выразать душевны красоты.
Лишь только что тогда природе подражают,

Коль чёрные тона её уничижают.

1770-е годы

Благоразумие

К какому божеству с мольбой вздымаю длани,
Когда в груди моей страстей внимаю брани?
Благоразумие, ты будь светильник мой
И предводи меня, густой покрыта тьмой.
Даяние небес, ты опытностью зреешь
И действуешь тогда, как чувства одолеешь.
Кто ж будет юности неопытной вождем?
Не с другом ли с небес невидимым идем,
Который тщательно отводит нас от бездны,
Меж тем как нас влекут мечтания любезны?
Отца и матери вздыханья и мольбы
Не отвергаются от вышняя судьбы.
Их наставления в младенцев впечатленны
И в юношах еще совсем не истребленны.
Хоть пагубный пример заразу в сердце льет,
Привычка добрым быть от нас не отстает.
Благоразумие, по коем воздыхаем,
Угадываем мы, хотя не постигаем.
И страх прельщения нам служит так, как щит,
Которым посреди сраженья воин скрыт.
Что делает Улисс средь волн, вокруг биющих,
Плывя меж островов, жилище нимф поющих,
Опасных так, как смерть, и сладостных сирен?
Улисс, премудрости богинею вперед,
Пловцам, ни самому себе не доверяет,
Воск мягкий приложив, их слухи затворяет
И, руки вервию скрутить себе веля,
Стоит привязанный у древа корабля.
Такие меры взяв, спасается от бездны
И посрамляет нимф прельщенья бесполезны.
Хотите ль ваш покой, о юноши, спасти? -
От искушения старайтесь уйти.

1770-е годы

Сельская жизнь

К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову*)

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных -
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею устанных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.
Тебе окружные желтеют жатвой горы,
Поля, где шествуешь, присутствием ты живишь.
Спешат кругом тебя прилежные селяне,
И нимфы вьют тебе венки из васильков.
С зарею восстают восхода солнца ране,
Железом вооружась блистающих серпов.
Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают!
Трудятся, суетно свой ум не бремени,
Гуляньем летни дни иль пляской заключают
И песенки поют у зимнего огня.
Что нужды, что зима, - еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.
Работы и забав единый круг катится,
Без скуки долги дни, здоровье без измен.
Такие дни текли вселенная в начале,
Когда не ведали обманов, ни вражды,
Никто не странствовал знакомой сени дале
И всяк возделывал отечески бразды.
Не заблуждались их смиренные желанья
В исканье пагубных сокровищ и честей,
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей.
Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты,
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

1770-е годы

Я был на зрелище: какие ощущенья
Во глубину души прельщенные влились!
Почто я вас узнал, минуты восхищенья,
Когда вы от меня так быстро унеслись?
За вами поневоле
Душа моя бежала
И, вас не видя боле,
Хладела и дрожала.

1770-е годы

Утро

Тревожится кипяща младость,
И рушится мой сладкий сон.
Опять земле приносит радость
Из волн спешащий Аполлон,
Предвозвещаемый денницей,
С своей горящей колесницей
Поверх является валов.
В востоке злато разлианно,
И вещество благоуханно
Лится в воздух со цветов.

1780

Общественные стихи*)

Доратом*) быть! какое заблужденье
Творить стишки, сияючи умом.
Сей легкий смех, сей вкус во обхожденье -
Кто даст мне их? Доратовым пером
Амур писал свое изображение.
Он снял с него одиножды шелом
И граций дал ему в повиновенье;
И жрец его, ушедший в преселенье
На Стиксов брег, живет в приосененье
С Овидием и Тейским стариком*),
Душ легких сонм их слушая во мленье.
Мне быть нельзя его учеником.
Принадлежа по случаю ко скопу
Медлительных, безогненных особ,
Которые рифмуют, сморща лоб, -
В сердитый час я видел Каллиопу.
Свирель моя, служившая Циклопу,
Приводит нимф испуганных в озноб.
Сношенья нет от кедра ко иссопу.
Мгновенья плод, приятные стишки
Рождаются в большом прекрасном свете
И так, как он, свободны и легки;
Как бабочки в роскошном лете,
Летают вокруг, садятся на цветки,
Но на одном не могут быть предмете.

Счастливы те, которые цвет ума
Соединить умели с рассуждением:
Знаток на них взирает с снисхождением,
Красавица читает их сама.

1782

Послание о лёгком стихотворении (отрывок)

К А.М.Бр<янчанинову>*)

<...>

Но суд удобен всем: искусство тяжело.
Посудим-ка себя, нахмуривши чело.
Увы!.. я не сорвал без терний розу.
Мое достоинство - писать на рифмах прозу,
Без возражения, противу языка,
Всечасно падая под критикову лозу.
Осталось ли со мной сравнение виртуозу,
Пленяющему слух движением смычка?
Его художество прекрасно, благородно;
Мое - удобно всем и слуху неудобно.
Чтобы возвыситься, поэзия должна
Из живописи быть с музыкой сложена.
Достоин Ариост*) идти с Паизиеллом*),
Но сельский скоморох достался мне уделом,
Который, на гудке заставлен поскрипеть,
Мешает мужикам согласно песню спеть.

За чувствование, вселяющесь глубоко,
За полный мыслью слог, за живописно око,
За прелести ума и мастерство писать
Должна пиитов честь в веках не угасать;
Но не за то, что рифм обилие имели
И ими вещь облечь нестоюще умели.
В стихе изломанном мысль добрая падет,
Но стих есть только звук, когда в нем мысли нет.
Писать есть обще всем - писать, как мастер, редко.
Затем-то видим мы, что мелочи умов,
Каков Гораций был, суть прелестью веков;
Меж тем как книги в лист сжирает время едко
Иль оставляет жить для сраму их творцов.
Пишите, коим кисть дала природа в руки
И взор, чтоб облететь безмерной круг науки,

Пишите, не боясь, что зависть станет грызть, -
Восторги ваши вам успехов суть поруки,
Вселенной красота - для ваших черт корысть.

1783

Изгнание Аполлона Басня

На Феба некогда прогневался Зевес
И отлучил его с небес
На землю в заточенье.
Что делать? Сильному противиться нельзя.
Так Аполлон тотчас исполнил изречение.
В простого пастуха себя преобразя,
В мгновение с небес свое направил странство
Туда, где пенится Пенеев*) быстрый ток.
Смиренно платье, посошок
И несколько цветов - вот всё его убранство.
Адмету, доброму Фессалии царю,
Сей кроткий юноша услуги представляет
И скоро царскими стадами управляет.
Находит в пастырях худые нравы, прю,
Сердец ожесточенье,
О стаде нераченье, -
Какое общество поборнику искусств!
Несчастлив Аполлон. Но сладостной свирелью
Старается ещё открыть пути веселью,
Поёт - и се уже владыка грубых чувств,
Влагает в пастырей незнаемую душу,
Учтивость, дружество, приятный разговор,
Желанье нравиться. К нему дриады с гор
И нимфы ручейков сбегаются на сушу.
Внезапу вокруг себя большой он видит двор:
Небесны боги сами,
Один по одному,
С верхов Олимпа вниз сходились к нему,
И сельские поля сравнялись с небесами.
Зевес изгнанника на небо возвратил.

Искусства исправляют нравы.
Тот первый варваров в людей преобразил,
Который выдумал для разума забавы.

1786

Богине Невы

Протекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

Ты с морями сочетаешь
Бурны росски озера
И с почтеньем обтекаешь
Прах Великого Петра.

В недре моря Средиземна
Нимфы славятся твои:
До Пароса и до Лемна*)
Их промчались струи.

Реки гречески стыдятся,
Вспоминая жребий свой,
Что теперь в их ток глядятся
Бостанжи с кизляр-агой*);

Между тем как резвых граций
Повторяешь образ ты,
Повергая дани наций
Пред стопами Красоты.

От Тамизы и от Тага*)
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстиляется под ней.

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой прохлады -
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады
Глас приносится волной.

Ты велишь сойти туманам -
Зыби кроет тонка тьма,
И любовничьим обманам
Благосклонствуешь сама.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Быстрой бегом колесницы
Ты не давишь гладких вод,
И сирены вкруг царицы
Поспешают в хоровод.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

1794

Несчастье

Единым манием вселенну управляет
Источник правды, бог, всеильный, всеблагой;
Но добрых иногда несчастье оскорбляет
И злобою своей корыствуется злой.
Кто знает, может быть, в руках твоих, содетель!
Несчастье способ есть возвысить добродетель?

Буря

Какие громы ударяют,
Мне ужас в перси водворяют,
Висящему над стремниной?
Густой покрыто небо мглою,
Разимый яростной волною,
Разносит брег унылый вой.

Один, стихий в грозящем споре,
Не зрю ли я вселенной горе?
Не се ль её последний вздох?
К кому прибегну я, несчастный?
Никем не слышим вопль напрасный:
Далеко все - со мною бог.

Со мною бог, не страшны громы;

Его десницею несомы,
Они вещают власть его:
Его на землю сыплют благи;
И колебанья буйной влаги
Не прейдут брега своего.

Не бойтесь, смертны, грозной бури.
Ничем не движим свод лазури
Превыше грубых облаков.
На все страны, на все творенья
Отверсто око провиденья.
Земля! не в небе ль твой покров?

Мои стихи, мой друг, - осенние листья:
Родятся блеклые, без живости и цвету,
И, восхищаемы дыханий злых усты,
Пренебрегаемы разносятся по свету,
Не чтомые никем. Но дух во мне кипит
И слезы зависти катятся по ланитам,
Что, указуемый гражданами пиит,
Не достигаю я в сообщество к пиитам,
Биющим верные удары во сердца,
Со воздыханьями влекущим слезы сладки.

М.Н.Муравьев. Стихотворения. Изд-во "Советский писатель",
Ленинградское отделение, 1967